

— Осторожнее! — услышала она рядом встревоженный шепот. — Обопритесь на меня!

Твердая рука придержала ее за локоть, потому что Полина едва не упала, поскользнувшись на скользкой тропинке. На дворе теплый май, а на кладбище сыро и пахнет плесенью. Могильщики с трудом несут тяжелый гроб, один даже чертыхнулся тихонько. Полина поняла это по губам, поскольку вот уже три дня все происходящее видится и слышится ей как сквозь толщу воды. Иногда ей кажется, что стоит оттолкнуться ногами и вырваться на поверхность, и тогда исчезнут мрачное кладбище, и все люди со скорбными лицами, и могильщики, суетящиеся вокруг гроба. И сам гроб исчезнет, зато появится ее муж Илья — живой и здоровый. Но тут же набегают тяжелые мысли, и Полина говорит себе, что ничего уже не изменится, что Илья погиб в автокатастрофе и что она сама выжила буквально чудом. Выжила и почти не пострадала, если не считать ушиба головы, от которого она плохо слышит и плохо соображает. И еще из памяти выпал момент аварии. Она вообще не помнит, куда и зачем они ехали с Ильей, помнит только, как садились в машину и муж проверил, пристегнулась ли она ремнем безопасности.

Ее снова повело, и та же твердая рука придержала ее.

— Мужайтесь, Полина Сергеевна, — опять раздался шепот, — надо все преодолеть.

Она скосила глаза, чтобы посмотреть, кто с ней рядом. Ах да, замдиректора фирмы... как его... Волованов... имени не вспомнить. Хотя они встречались раньше несколько раз на вечеринках по случаю Нового года или дня рождения фирмы.

— Уже близко, — поймал ее взгляд мужчина, — вон она, могила.

Полина вытянула шею и увидела ряд свежих холмиков, присыпанных грязно-желтой землей, на которых лежали подувядшие цветы. С краю зияла пустая яма.

Скорей бы все кончилось...

Волованов так и стоял возле нее, так что, когда окружающие предметы начали расплываться перед глазами, он не дал ей упасть. Тут же подскочила вертлявая женщина с жидкими короткими волосами и губами, по-старомодному накрашенными бантиком, и сунула Полине под нос ядовито пахнущую ватку. Как ни странно, помогло — голова перестала кружиться, даже слух слегка прорезался. И в глазах стало яснее. Настолько, что Полина заметила взгляд сильно накрашенной брюнетки, стоявшей напротив. Взгляд был откровенно ненавидящим, Полина едва сдержалась, чтобы не пожать плечами.

Волованов деликатно освободил свою руку и вышел вперед, чтобы хорошо поставленным печальным голосом сказать, каким замечательным человеком был Илья Андреевич Моргунов и как

все сотрудники фирмы сожалеют о его безвременной кончине. Брюнетка оторвала взгляд от Полины и уставилась на Волованова. Просто ела его глазами! Остальные сотрудники слушали невнимательно. Народу присутствовало человек тридцать, все сотрудники и люди, знавшие мужа по работе. Родственников не было. Полина понятия не имела о мужниной родне, он никогда ни о ком не рассказывал, только сказал, что родители давно умерли.

После Волованова говорила та самая вертлявая тетка с бордовыми губами бантиком. Она представилась сотрудницей бухгалтерии и долго рассказывала, как все любили Илью Андреевича и какой он был замечательный директор фирмы — строгий, но справедливый. Еще двое промямлили пару слов, и общество выжидающе уставилось на Полину.

— Зарывать, что ли? — рявкнул потерявший терпение могильщик, и Полина махнула рукой.

Хватило сил нагнуться и бросить горсть земли на крышку гроба, после чего она с благодарностью оперлась на руку Волованова.

Могильщики споро закончили свою работу.

— Хозяйка, надо бы на помин души! — сказал бригадир, снимая запачканные землей варежки.

Полина сунулась в кошелек и достала последнюю тысячу. «Надо завтра же снять деньги с карточки», — мелькнула мысль.

Поминки в кафе были долгими и унылыми. Волованов не отходил от Полины и все подливал и подливал ей водки.

— Надо помянуть... — бормотал он. — Ну как же не помянуть-то...

Мырму из бухгалтерии развезло, она плакала и все порывалась расцеловать Полину размазанными бордовыми губами. Накрашенная брюнетка оказалась всего-навсего секретаршей. С чего ее так разбило, Полина не поняла.

Наконец ужасный день закончился. Полина хотела взять такси, но Волованов сказал, что довезет ее до дома. У подъезда она поблагодарила его и собралась уходить, но он задержал ее руку в своей и сказал, что поднимется выпить чашку кофе, а то, дескать, тоже принял на поминках и боится ехать дальше. Голова у Полины болела от усталости и выпитого, слишком поздно вспомнила, что врач советовал ей некоторое время воздержаться от спиртного. У нее не нашлось слов, чтобы отказаться от нежелательного визита. Да ладно, в конце концов, Волованов выпьет кофе и уйдет. Только заваривать его будет сам.

В квартире стояла унылая тишина и был жуткий беспорядок — Полина эти три дня не могла заставить себя разложить вещи по местам. И на кухню она даже не заходила, после недолгого пребывания в больнице думать о еде не хотелось. Все время было заполнено какими-то хлопотами, звонили и приходили разные люди, и каждый что-то от нее хотел.

Волованов закрыл входную дверь и совершенно преобразился. По-хозяйски ступая, вошел в прихожую, помог Полине снять пальто и повесил его в шкаф.

— Можете не переобуваться, — сказала Поли-

на, пытаясь намекнуть, что принимать гостя собирается недолго.

— Спасибо, — улыбнулся мужчина. — Что может быть смешнее человека в темном костюме, при галстукe и в домашних шлепанцах?

Она не ответила, скидывая в это время туфли, поскольку усталые ноги требовали незамедлительного отдыха. Тапочки ее были голубые, с пушистыми помпонами, и Полина сочла их слишком легкомысленными. Но искать другие было лень, и она пошла на кухню босиком.

— Хорошая квартира, — сказал Волованов, топая за ней, — и кухня такая приятная.

На кухне в раковине кисла стопка грязных тарелок, плита была в жирных разводах, а на шторах отчего-то собралась пыль. Полина понятия не имела, кто все это устроил. Квартира потеряла хозяина, а хозяйке было не до уборки, так что приятной кухню никак нельзя было назвать.

Волованов по-хозяйски распахнул дверцы кухонного шкафчика и выудил оттуда чашки и баночку кофе.

— Простите, я забыла ваше имя... — слабым голосом сказала Полина.

— Александр Николаевич, — любезно улыбнулся гость, — но вы можете называть меня просто Саша.

Она отвернулась, слегка поморщившись от неуместности его игривого тона. Волованов сделал вид, что ничего не заметил.

— Понимаете, Полина, — говорил он, наливая кофе, — сдается мне, что нам с вами сейчас нужно держаться вместе. Во-первых, я готов уте-

шать вас и поддерживать морально столько, сколько потребуется. Не скрою, фирма переживает сейчас не слишком хороший период...

— Муж ничего не рассказывал мне о своих делах! — прервала его Полина, ей надоел этот бессмысленный якобы светский разговор.

— Дорогая, я все понимаю! — Волованов порывисто взял Полину за руку, для чего ему пришлось встать со стула, поскольку они сидели друг напротив друга.

Полина руки не отняла, потому что представила себе, как уморительно, наверное, выглядит сейчас Волованов сзади. Еще интересно, сколько он сможет простоять на полусогнутых... Однако тому, видимо, упорства было не занимать, и Полина сдалась первой.

— Прошу меня извинить, — сказала она по возможности твердо, — но я сегодня очень устала и хотела бы остаться одна.

— Я понимаю! — Волованов вскочил, с грохотом опрокинув стул. — Разумеется, такое горе... Но поймите и вы меня, я не могу уйти, не поговорив с вами серьезно! Завтра может быть поздно!

— Да что вы хотите от меня в такой день и час? — вскричала Полина, в свою очередь, вскочив со стула.

— Девочка моя, я понимаю ваше состояние! — Волованов бодро обежал стол и подошел к Полине так близко, что она почувствовала его дыхание. — Выслушайте меня! Илья Андреевич был... очень хорошим руководителем, мы все его очень любили...

«Врет, — поняла Полина, заглянув в его глаза,

находящиеся совсем рядом, — наверняка он Илью терпеть не мог и теперь мечтает занять его место».

Она подалась назад и все отступала и отступала, пока не уперлась спиной в подоконник.

— Вы должны мне верить, — бормотал Волованов. — Илья Андреевич был бы очень расстроен, если бы фирма пропала. И потом, это в ваших интересах, ведь фирма теперь достанется вам. Но понимаете, нужно быть очень осторожным и... у вас мало опыта...

— Да о чем вы говорите? — вскричала Полина, отталкивая от себя навязчивого типа, брызжущего слюной ей в лицо. — Что вы хотите конкретно от меня?

— Конкретно я хочу, чтобы вы передали мне ключи от личного сейфа Ильи Андреевича, — ровным голосом ответил Волованов.

— Но у него не было никакого сейфа!

— Здесь — может быть, а в офисе — был, уж поверьте мне на слово, — тем же деловым тоном продолжил Волованов. — И там хранились очень важные документы, которые не должны попасть в чужие руки. Ну, договоры с поставщиками, еще кое-что. Если соответствующие органы про них узнают — как бы чего не вышло. То есть фирму постигнет такой удар, что она вряд ли сможет оправиться. Так что в ваших интересах...

— Да погодите вы! — Полина отмахнулась от его слов, как от назойливых мух. — С чего вы взяли, что те самые соответствующие органы должны заинтересоваться? Ведь в смерти Ильи нет ничего криминального — несчастный случай, авария на шоссе...

— Ну, не будьте такой наивной! — Волованов всплеснул руками. — Сейчас начнутся внеочередные налоговые проверки и всякие прочие безобразия. И если у милиции появится хоть малюсенькое подозрение, что авария не совсем обычная... А ведь тот микроавтобус скрылся с места происшествия, его ищут...

— Какой микроавтобус? — Полина прижала руки к вискам, которые внезапно сильно заломило. — Я ничего не помню...

— И не надо напрягаться... — Волованов отнял ее руки и заглянул ей в лицо. — Доктор же сказал вам, что память вернется постепенно. Полина, я хочу вам помочь! Пока суд да дело, пока вы будете вступать в наследство, пройдет много времени. А там — ищи-свищи ветра в поле, многие возможности будут упущены. Поверьте, я на вашей стороне!

Назойливый скрипучий голос лез через уши прямо в больную измученную голову, проникал через все сосуды в самую середину мозга. Полине казалось, что его сверлят тупым сверлом.

— Но почему вы решили, что ключи должны быть у меня? — проговорила Полина полушепотом.

— Потому что на теле ключи не были обнаружены, — ответил Волованов, — я проверял.

Полина отогнала от себя видение — он жадными руками обшаривает карманы покойного мужа. Скорей всего, замдиректора перебрал те вещи, которые выдали ей в морге. Но как он посмел?

Это был последний всплеск возмущения. Внезапно Полине все стало безразлично, только хоте-

лось, чтобы ее оставили в покое хотя бы до утра. Она прошла в кабинет Ильи и открыла ящик письменного стола, где он хранил всякие мелочи.

— Вот они! — Волованов оттолкнул ее и схватил связку ключей с брелочком из молочно-белого стекла.

Одеваясь, он не переставая бормотал о том, что все будет хорошо и что Полина всегда может на него рассчитывать, он всецело на ее стороне и готов предложить ей свою помощь и защиту. Если бы Полина не была так измотана, она обязательно спросила бы назойливого типа, что он, собственно, имеет в виду. От кого ее надо защищать и что собой представляет другая сторона, кто на ней против Полины? Та самая жгучая брюнетка-секретарша? Судя по ненавидящим взглядам, она не питает к Полине добрых чувств.

Но сейчас не хватало сил ни на что. Даже чтобы принять душ, когда неприятный гость наконец ушел. Полина бросилась на кровать в спальне, сразу провалившись в тяжелый, тревожный сон.

Спала она долго. Временами просыпалась, смотрела на светлую полоску, пробивающуюся из-за занавесок, и снова зажимала глаза, заталкивала себя в сон, чтобы не напознали воспоминания. А когда окончательно очнулась, оказалось, что на часах всего только половина десятого. Голова, как ни странно, была достаточно ясной, исчезли шум в ушах и пелена перед глазами.

«Хватит прятать голову в песок, — подумала

Полина, — пора признать, что Ильи нет и нужно жить самостоятельно».

Что ж, ей не привыкать. Они были женаты меньше трех лет, а до того пришлось повидать всякого.

Полина вздрогнула под теплым одеялом. Неужели возможен возврат к прошлому? Ну, теперь до такого дело не дойдет. Нет, такое просто невозможно. У нее есть удобная комфортабельная трехкомнатная квартира, есть деньги. Есть фирма мужа, наконец. Что там вчера болтал этот... как его... Волованов? Конечно, она ничего не понимает в делах фирмы, так, может, действительно прибегнуть к его помощи? Разумеется, просто так никто ничего не станет делать. Может быть, предложить Волованову партнерство?

Она подавила в душе мощное сопротивление возникшей идее — Волованов вызывал у нее сильнейшее недоверие. Уж очень суетился вчера, уж очень юлил, уж очень много говорил. Вот Илья никогда не болтал попусту, был серьезен и немногословен. Вообще мало рассказывал о себе. О его детстве и юности она не знает совершенно ничего. Кажется, у него была жена, с которой он развелся задолго до знакомства с Полиной. Какое это сейчас имеет значение?

Она привыкла доверять мужу, он сумел создать для нее вполне приличную спокойную жизнь. В их отношениях не было безумной любви. И ревности тоже не было, она со своей стороны никогда не давала повода. Была ли Полина счастлива с Ильей? Наверное... Впрочем, сейчас уже неважно.

Илья был солидным ответственным человеком, как ей казалось. Решения принимал всегда верные, руководил фирмой успешно. И сказал ей как-то с улыбкой, но она знала, что серьезно:

— Не волнуйся, детка, я тебя обеспечу.

Она обняла его и абсолютно искренне ответила, что ничего не хочет менять в их жизни, что ей с ним хорошо и спокойно и ничего больше не надо.

— Все может случиться, — ответил муж, — ведь я старше тебя на двадцать лет. Так что не бойся, бедствовать ты не будешь.

Она благодарно потерлась щекой о его плечо, и на том разговор о серьезных вещах был закончен.

Полина почувствовала, как по щекам побежали непрошенные слезы. Не годится сидеть и реветь: слезами горю не поможешь, и Илья от них не воскреснет.

Под теплыми струями душа она пыталась как-то спланировать свое существование. Первое: привести себя в порядок. Второе: разгрести, хотя бы отчасти, завалы в квартире, а то противно в ней находиться. И третье: снять деньги с карточки, а то в кошельке пусто.

Взглянув на немытые кофейные чашки, оставшиеся с вечера, Полина поняла, что кофе ей совершенно не хочется. В холодильнике засыхал сыр, купленный ею еще для Ильи, ветчину она выбросила вчера. Илья не был капризным в еде, просил только, чтобы в доме не было магазинных котлет и сосисок, полуфабрикатов, а также замороженных овощей и консервов. Полина умела готовить — в ее богатом событиями прошлом ей

многому пришлось научиться. Яичницу на завтрак муж тоже не признавал. «Ты бы еще пельмени из пачки отварила», — бросил он как-то в раздражении в самом начале их совместной жизни. Впрочем, такое с ним случалось нечасто, угодить ему оказалось достаточно легко.

Морозилка была до отказа забита мясом, которое вряд ли пригодно для завтрака. Молоко скисло, зелень завяла, единственный помидор заплесневел. Было такое чувство, что продукты тоже переживают потерю хозяина квартиры. Полина разбила на сковородку два яйца и перемешала все, обильно посыпав солью и перцем. К чаю полагалось бы сделать гренки с сыром, но было лень, поэтому Полина заварила чай покрепче и положила два куска сахару.

После еды стало полегче, и она сообразила, что деньгами следует заняться в первую очередь, вот только кухню сначала немножко прибрать. Убирая кофейные чашки в посудомойку, она не удержалась и взглянула на засохшую гущу. Такая уж у нее была привычка — гадать на кофейной гуще, Илья часто над ней подсмеивался.

В ее чашке был полный туман. Какие-то разводы, похожие на кучевые облака. Полина вертела чашку так и этак, наконец разглядела две параллельные полосы — не то лыжня, не то дорога. Полосы терялись вдаль, и больше ничего не было.

В чашке у Волованова картина оказалась интереснее. Явственно просматривалась лежащая фигура, над ней нависал кто-то в балахоне. В руке не то палка, не то нож. Волованова скорее напоминает лежащая фигура...

Полина тут же спохватилась, что занимается ерундой, а время уходит. Хотя куда теперь спешить? Но, как выяснилось буквально через час, спешить было куда.

Она слегка накрасилась, прихватила волосы заколкой, чтобы выглядеть поскромнее, но с негодованием отбросила черный брючный костюм. На улице весна и теплынь, а она вырядится таким чучелом. Еще шляпку с вуалью нацепить не хватало!

В последний момент она бросила взгляд на рекламный календарь, что висел на кухне, и задумалась. Какое же сегодня число? Илья погиб третьего мая, в выходной. И куда они все-таки ехали? Нет, не вспомнить, никак не вспомнить...

Хоронили через три дня, шестого, стало быть, сегодня седьмое мая. Муж был организованным человеком, переводил ей деньги на карточку раз в месяц до десятого числа. Из этих денег она брала на хозяйство и покупала себе кое-какую одежду и разные мелочи. Крупные покупки муж финансировал отдельно, на Новый год или на день рождения обычно дарил шубу, машину...

И вот теперь у Полины возник животрепещущий вопрос: успел или не успел муж перевести деньги? Скорей всего, не успел, но надо надеяться на лучшее. Потому что денег у нее на карточке осталось совсем немного: накануне той поездки за город Полина купила кое-что к лету — легкую воздушную юбку, пиджачок, босоножки. Зачем это все сейчас, для кого наряжаться...

Полина быстро-быстро провела пальцами по ресницам, чтобы смахнуть некстати набежавшие

слезы. Пора брать себя в руки, нельзя распускаться.

С другой стороны, если денег на карточке нет, то нужно подстраховаться. Она глубоко вздохнула и пошла в кабинет мужа, где в старинном секретере лежал сверток, который ей дали в морге, — все ценные вещи, что были у Ильи при себе: разбитые часы, обручальное кольцо, ключи от дома и бумажник, разорванный и замазанный кровью. Паспорт и водительские права забрала милиция. И документы на машину тоже. А карточки — вот они, в бумажнике. Полина с трудом вытащила одну, Илья разрешал иногда пользоваться ею, так что она знала код.

Выйдя из подъезда, она привычно свернула к стоянке, но тут же одернула себя. Разбитую машину Ильи забрала милиция, сказали, что вернут не скоро: будут проводить какие-то следственные эксперименты. Да и все равно на ней ездить нельзя — сильно побита. Сама Полина уже два месяца была без машины: муж собирался подарить ей новую на день рождения и продал ее «Пежо» — подвернулся выгодный покупатель. Но ту машину, которую Илья выбрал, пока не пригнали — у фирмы возникли какие-то проблемы на таможне. Ничего, она дойдет до банкомата пешком, тут недалеко.

Банкомат у метро порадовал мало — на карточке лежало восемьсот рублей двадцать копеек. Как она и думала, муж не успел перевести ей ежемесячную сумму. Полина отчего-то оглянулась по сторонам и достала карту мужа. Карточка никак не хотела входить в прорезь. Что за черт? Ведь

банкомат должен принимать «Визу». Трясущими руками Полина попробовала нажать — никакого эффекта.

Она перешла дорогу — там, позади супермаркета, находился офис Бета-банка, банкомат стоял прямо в холле. Та же проблема...

Полина заставила себя успокоиться и вошла в офис. Самым спокойным голосом обратилась к девушке за стойкой, у которой на бейджике имелась надпись «Софья», и протянула ей карту.

Та сделала с ней что-то — Полине не было видно, — потом спросила, кем Полина приходится владельцу карты Илье Моргунову.

— Это мой муж, — заторопилась объяснить Полина. — У нас общий счет, я знаю ПИН-код...

— Карта повреждена и не может быть использована в банкомате, — любезно ответила девушка. — Поскольку владельцем является ваш муж, он должен прийти с паспортом и написать заявление, тогда ему выдадут новую карту.

— Но он... он не может прийти, он умер! — дрогнувшим голосом сказала Полина.

— Умер? — С лица девушки сползла любезная улыбка. — Тогда вы должны переоформить счет на себя. Это можно сделать быстро, если у вас на руках есть завещание мужа в вашу пользу. Если же нет, придется ждать полгода.

— Полгода? — вскричала Полина. — Да вы что, шутите?

— Я на работе, какие уж тут шутки. — Теперь в голосе сотрудницы банка не было и тени любезности. — Таков закон, и больше я ничего не могу вам сказать.

— Черт знает что! — Полина вышла, хлопнув дверью.

В бумажнике было еще две карточки — Банка Санкт-Петербург и Балтийского (Полина даже не знала, что у мужа есть в них счета), но похоже, что там будет та же самая история — попросят показать завешание, и только тогда можно будет говорить о переоформлении вклада на свое имя.

Приходилось признать, что положение у нее аховое. Муж не держал дома наличных денег, это Полина знала точно. Значит, нужно просмотреть его бумаги, поискать завешание.

Она купила в ларьке на углу упаковку апельсинового сока и пачку сосисок, а потом заскочила в пекарню и попросила у девушки два бублика с маком. Бублики были теплые, Полина едва сдержалась, чтобы не вонзить зубы в один прямо на улице.

Еще из-за двери она услышала мелодичное треньканье телефона и нарочно двигалась медленно, чтобы звонивший отчаялся и повесил трубку. Не хотелось больше слушать фальшиво-сочувствующие слова, не хотелось отвечать на них скорбным голосом и благодарить за заботу.

Но, как видно, человек попался упорный, телефон все звонил. Полина вошла в квартиру, сняла трубку и услышала торопливый, запыхавшийся голос:

— Полина Сергеевна, это Сусалина.

— Кто? — довольно невежливо откликнулась Полина.

— Сусалина, Галина Евгеньевна, из бухгалтерии. Мы встречались вчера на похоронах...

Понемногу до Полины дошло, что ей звонит та самая вертлявая тетка с губами, накрашенными бордовым бантиком. Ей-то что нужно?

— Я хотела сказать... — Голос бухгалтерши стал глуше. — Я хотела предупредить вас... Никому не давайте ключи от сейфа Ильи Андреевича! Дело в том, что там, я точно знаю, хранится большая сумма денег, наличные. Я сама видела буквально перед тем, как он...

— Деньги? — удивилась Полина. — Но ведь...

Она вспомнила, как вчера заместитель мужа... как его... Волованов буквально заклинал ее отдать ему ключи.

— Полина Сергеевна, вы должны приехать лично и ознакомиться с делами, — шептала тетка. Полина чуть ли не воочию увидела, как она прижимается ртом к трубке и губы оставляют бордовый след на мембране. — Сами понимаете, наличные деньги — такая вещь, которую нельзя надолго оставлять без присмотра...

Бухгалтерша не назвала никаких имен, но было ясно, что она не считает заместителя Ильи, Волованова, человеком, заслуживающим доверия. Намек был ясен.

— Все очень серьезно, — бормотала бухгалтерша, — эти деньги... они... но я не могу по телефону. Вы должны сами во всем разобраться!

— Благодарю вас... — растерянно протянула Полина, — я...

Но в трубке уже пикали короткие гудки.

Полина аккуратно вставила трубку в гнездо, потом посмотрела на свои руки. Пальцы явствен-

но дрожали. Дрожь поднималась изнутри, пришлось даже сжать зубы, чтобы они не стучали.

— Черт! — Полина бросилась на кухню и залпом выпила стакан воды. — Черт, черт...

Приходилось признать, что ее обвели вокруг пальца. Не зря этот мерзкий Волованов обхаживал ее вчера так долго и тщательно. Ему нужны были ключи от сейфа. Если уж даже мымра из бухгалтерии не поленилась позвонить и предупредить Полину — совершенно постороннего ей человека, стало быть, всем в фирме известно, что Волованов — жулик. Да и кто откажется от денег, когда их хозяин ничего уже не сможет потребовать? Кот из дому — мыши в пляс!

И она, Полина, не придумала ничего лучше, как собственными руками вручить подлецу Волованову крупную сумму. Поднесла, можно сказать, на блюдечке с голубой каемочкой! Расслабилась от хорошей жизни, жила за Ильей как за каменной стеной, он взял на себя все бытовые проблемы. А других у нее не было...

Вода не помогла. Тогда Полина прошла в кабинет мужа и достала из секретера бутылку французского коньяка. Глядя, как янтарная жидкость наполняет хрустальный стакан, она ощутила некоторое успокоение. Сейчас полегчает, уйдет противная дрожь и многие, если не все, проблемы покажутся не такими ужасными. Но как же она так прокололась?

И ведь чувствовала же, что нельзя Волованову доверять! Просто хотелось поскорее от него избавиться. На что мерзавец и рассчитывал, заболтал ее бесконечными разговорами, спойл...

Полина вспомнила, как он заботливо подливал и подливал ей водки на поминках, как у нее болела голова и ныло сердце — она же хоронила мужа. Хотелось забыться и чтобы ушла из сердца боль хоть на короткое время... Забылась! Забылась настолько, что как полная дура отдала Волованову то, чего он добивался так упорно...

Полина схватила стакан и вылила коньяк в раковину. Нет уж, сейчас ей нужна ясная голова. Ярость трансформировалась в холодную злость, и она решила немедленно ехать в фирму мужа. Возможно, удастся приструнить Волованова и выцарапать у него хоть часть тех денег.

Она распахнула шкаф и перебрала одежду. Нет, вчерашний черный костюм не пойдет, однако нужно соблюдать приличия. К тому же невредно напомнить Волованову и всем в офисе, что она — вдова. Какое ужасное слово...

Полина выбрала черную кожаную курточку и укороченные брюки. Под куртку надела тонкий черный свитер, потому что солнце ушло и, кажется, собирался дождь. «Все же получилось мрачно-вато», — отметила она, глядясь в зеркало. Поколебавшись немного, Полина переделалась в блузку из плотного шелка цвета топленого молока. Может, кто-то и сочтет ее легкомысленной, но так лучше. Илья всегда говорил, что у нее хороший вкус!

Выйдя на улицу, Полина снова по привычке свернула к стоянке, рассердилась на себя и подняла руку. Возле нее тут же остановилась машина,

выглянул наглый тип с масляными глазами и маленькими наглыми усиками, пропел:

— Куда едем, красавица?

— На Васильевский, — строго проговорила Полина, чтобы поставить наглеца на место.

— Пятьсот! — процедил тот, почувствовав ее совершенно не игривое настроение и сразу оценив ее внешний вид как платежеспособный.

Полина хотела уже сесть, но вспомнила о скудном содержимом своего кошелька и отрезала:

— Какие пятьсот? Здесь ехать всего ничего... Двести.

— Двести?! — Возмущению водителя не было предела. — На троллейбусе поезжай! За двести я тебе и дверцу не открою!

— Ну и пошел к черту! — Полина шагнула в сторону.

— Ладно, — смягчился водитель, — так и быть, садись... за триста довезу.

— Какие триста? Я сказала — двести, и ни копейки больше! — разозлилась Полина. — Ты, дядя, глухой, что ли?

— Жадная, да? — скривился водитель. — Ладно, садись. Такая приличная женщина, а торгуешься! Здесь тебе не базар...

Полина села на заднее сиденье и всю дорогу выслушивала недовольное ворчание водителя. Наконец они остановились возле серого здания в Тучковом переулке. Полина со вздохом пересчитала оставшуюся наличность, вытащила две сотенные бумажки, с сожалением отдала их водителю и подошла к входу в бизнес-центр.

Мрачный охранник проверил ее паспорт и впустил внутрь.

Полина поднялась на четвертый этаж и вошла в дверь с табличкой «Контекст». Хотя она и не бывала в фирме Ильи, название и фирменный логотип — змейка, составленная из разноцветных кубиков, — были ей хорошо знакомы: они украшали визитки мужа и всю канцелярскую продукцию в его кабинете — блокноты, ежедневники, листы писчей бумаги, фирменные ручки и карандаши.

Она оказалась в просторном серо-голубом холле, посередине которого красовалась та самая змейка из кубиков — логотип фирмы. Только здесь кубики были сделаны из голубоватого матового стекла и хромированного металла в лучших традициях стиля хай-тек.

За стойкой против двери сидел молодой парень с коротко стриженными рыжими волосами. С первого взгляда было ясно, что парень невыносимо скучает в пустом холле, сидя на стуле. Ему наверняка хотелось двигаться, разговаривать громко, хотя бы музыку послушать, но на работе не разрешалось. Даже нельзя было открыть окно, чтобы вдохнуть свежего воздуха, — все окна прочно заделаны стеклопакетами, и в помещении не работал кондиционер. И парень явно неуютно чувствовал себя в строгом офисном костюме и узком галстуке.

— Здравствуйте, вы к кому? — проговорил он с заученной вежливостью.

— К Волованову Александру Николаевичу, — отозвалась Полина, вспомнив имя-отчество заместителя мужа.

— А как вас представить? — Парень потянулся к внутреннему телефону.

— Полина Сергеевна Моргунова.

— Моргунова? — Парень удивленно захлопал рыжими ресницами, рука с телефонной трубкой зависла на полпути к уху.

Но Полина уже увидела впереди, через холл, дверь с табличкой «И. А. Моргунов». Поверх таблички была наспех наклеена картонка с другой надписью — «А. Н. Волованов». Она быстрыми шагами пересекла холл и толкнула эту дверь.

И тут же расстроилась: за стильным офисным столом из голубого пластика сидела та самая брюнетка, которая с такой ненавистью смотрела на нее во время похорон. Вот уж кого Полине сейчас совсем не хотелось видеть!

Как и вчера, на лице девицы было наложено едва ли не полкило косметики, только на похороны она надела черный костюм, а сегодня нацепила туго обтягивающий очень открытый малиновый джемпер. В треугольнике выреза поблескивала золотая цепочка с кулоном, уши оттягивали крупные массивные серьги, на правой руке был золотой браслет в виде свернувшейся змейки, а на левой — целых три узких золотых браслета.

— Вы к кому? — процедила брюнетка сквозь зубы, хотя мигом Полину узнала.

— А что, непонятно? — Полина окинула ее высокомерным взглядом, пытаясь сразу поставить на место. — К Александру Николаевичу, естественно. Это ведь, кажется, теперь его кабинет? А вы тут быстро обустроились!

— По какому вопросу? — прошипела секретарша, как гадюка, которой наступили на хвост.

— А вот это, дорогуша, тебя совершенно не касается! — отрезала Полина и двинулась к двери в глубине приемной, мимоходом удивившись, для чего Илья держал на работе такую стерву. Может, она хорошо умеет лаять на посетителей?

— Александра Николаевича нет! — взвизгнула секретарша, вскочив и бросившись наперерез. — У Александра Николаевича совещание! Александр Николаевич очень занят!

— Так его нет — или он занят? Ты уж, милочка, как-нибудь определись! — С этими словами Полина отодвинула брюнетку от двери и потянула ручку на себя.

Секретарша самоотверженно пыталась удержать линию обороны, но Полина собрала в кулак всю свою волю, оттолкнула ее в сторону и ввалилась в кабинет. Секретарша отлетела метра на полтора, так что браслеты зазвенели, но тут же бросилась следом.

Волованов сидел за массивным столом красного дерева, вальяжно развалиясь, и вертел в руках золотую паркеровскую ручку. Увидев в дверях Полину, он уставился на нее, как баран на новые гаражные ворота, широко открыл рот, чтобы что-то сказать, но не нашелся и захлопнул рот с таким звуком, с каким в ночной тишине захлопывается дверца пустого холодильника.

— Александр Николаевич! — заблеяла за спиной Полины секретарша. — Я объясняла, что вы заняты! Я не пускала! Она буквально вломилась! Она буквально силой...

— А... гм... все в порядке, — промямлил наконец Волованов, переводя взгляд с Полины на секретаршу и обратно. — Здравствуйте, Полина... ммм... Андреевна.

— Сергеевна, — поправила его Полина. — Если вы еще помните, я приходилась покойному Илье Андреевичу не сестрой, а женой.

— Конечно, конечно... — Волованов приподнялся из-за стола, указал ей на кресло. — Присаживайтесь... всегда рад... только должен заранее извиниться — у меня сегодня...

— Совещание, — подсказала Полина, усмехнувшись, и села на стул с самым решительным видом.

— М-да... совещание... Так что вы хотели обсудить?

Полина повернулась лицом к секретарше и посмотрела на нее долгим неприязненным взглядом. Если она надеялась, что та от такого взгляда растает, как Снегурочка от любви, или рассыплется в порошок, то ее ожидания не оправдались: секретарша стояла на прежнем месте, делая вид, что ничего не понимает.

— Я хотела бы поговорить без посторонних! — произнесла Полина вслух то, что хотела сказать взглядом.

— Это кто здесь по... — начала было наглая брюнетка, но вовремя опомнилась и прикусила язык.

— Карина, оставьте нас, пожалуйста! — нехотя выдавил из себя Волованов слова, как остатки зубной пасты из тюбика. — И... кофе принесите...

Секретарша удалилась с таким видом, будто

оставила любимого начальника в клетке, полной голодных львов. Или в яме, кишашей ядовитыми змеями. Хотя как раз она сама была больше всего похожа на гадюку. Или на гюрзу.

Едва дверь за секретаршей захлопнулась, глаза Волованова подозрительно забегали. Можно даже сказать, что они куда-то поехали.

Один знаменитый поэт написал, что глаза Петра Великого проносились по его лицу, как буксующий мотоцикл. Если сравнить с каким-нибудь транспортным средством глаза Александра Николаевича Волованова, то они поехали по его лицу, как детский велосипед «Орленок», на который взгромоздился неопытный малолетний велосипедист.

— Итак, я вас слушаю, — произнес Волованов, в то время как его глаза уехали в самый дальний угол кабинета.

— В день похорон Ильи, то есть буквально вчера вечером, вы заверяли меня, что я могу рассчитывать на вашу помощь, — взяла с места в карьер Полина. — Вот сегодня я и пришла к вам за... помощью.

— Непременно! — воскликнул Волованов, слегка привстав. — Лично я всеми силами! И всеми средствами! Это мой долг!

«До чего же отвратительный тип! — подумала Полина. — И почему Илья, такой ответственный и рассудительный, держал в заместителях такого неприятного человека?»

— Вот как раз о средствах... — перебила она Волованова. — Дело в том, что я осталась совершенно без средств. Все наличные, какие были в